

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМАЛИЗАЦИИ ТЕКСТА АВТОРСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ

О.С. Зубкова

*Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации
e-mail: olgaz4@rambler.ru*

Курский государственный университет

В статье представлены некоторые теоретические аспекты формирования концептуальной основы авторской литературной сказки как части современной гуманитарной парадигмы. Представляется, что понимание специфики исследуемого феномена, возможно с точки зрения институционально-культурной парадигмы воспроизводства современного общества, использующей символический потенциал сказки в качестве посреднического инструмента в рамках конкретной культуры. Кроме того отмечается значимость дифференциации аудиторного целеполагания во взаимодействии с социальным фактором.

Ключевые слова: *литературная сказка, дискурс сказки, коммуникативное пространство, аксиологический компонент, семиотическое взаимодействие.*

В течение двадцатого века в гуманитарной парадигме началось активное переосмысление текстов авторских сказок с позиций структурализма, психоаналитики, этнологии, культурологии, философии, возрастной психологии, педагогики и т.д. [Пропп 1998; Bettelheim 2000; Simonsen 1981; Greimas 1970; Bremond 2006; Barbier 2009; Todorov 1976, 1996]. Популярное повествование, являющееся частью лингвокультурного наследия, становится объектом научных изысканий, описывающих трансформацию их функциональных, логико-понятийных, личностно-ориентированных, ценностно-эмоциональных преобразований внутренних / внешних характеристик и образных деформаций. Парадоксальность ресурсного потенциала данного жанра как аргумента морали, нередко имеющего имплицитный характер, представляет широкие перспективы для осознания культурной параметризации в целом, и ментального лексикона носителя языка, в частности. Притязания, как литературные, так и социальные, лежащие в основе написания сказок, объективируют гегемонию фундаментальных гуманитарных моделей самоидентификации и их аксиологическую динамику. Модели трансформации сказочного нарратива путем сопряжения и их парадигматическое структурирование в более широкие единицы, приводят к необходимости двойного анализа (семического и семантического) и

позволяют выявить корреляции популярных повествований с индивидуальной и социальной реальностью.

Эвристика сказки, особенно авторской, вводит принципиальную дискуссию о языке и методологии достижения эпистемологического измерения. Нам представляется особенно значимым, что авторский текст сказки избавлен от анонимного архаичного рассказчика и трансформирован в пользу конкретного знания и господствующей морали, объективируя особенность быть катализатором национальных и индивидуальных смыслов. Вариативность и фиксированность национальных констант, становящихся частью коллективного знания, позволяют создать организованный корпус конкретного языка (региональный, национальный или международный), выходящий за рамки методологии достижения лишь эпистемологического измерения.

Согласно нашим наблюдениям, фундаментальные модели анализа текстов сказочного дискурса приоритетно соответствуют конкретной теоретической концепции, недостаточно активно включающий интегративный модус изучения (см., например, структурный анализ по Леви-Строссу [Lévi-Strauss 1960], семиотический Греймаса [Greimas 1970], логический Бремонта [Bremont 2006], грамматический Тодорова [Todorov 1976, 1996]). Подобный формат нередко не позволяет выходить за пределы какого-либо Национального корпуса (Lacourcière, Ortutay) и представляет собой анализ чётко определённого сказочного нарратива. В случае расширения научного спектра анализа, научные школы преимущественно довольствуются историческим описанием проведенных исследований, не всегда подвергая современному переосмыслению постулаты, лежащие в их основе. Некоторые учёные пытаются объединить несколько подходов, излагая их во взаимосвязи гуманитарных парадигм, анализируя как методологию, так и теоретико-эмпирические предпосылки. Очевидны уверенные попытки развития современных исследований сказки с позиции «тематической» концепции [Ben-Amos 1974], «компаративистской» и «историко-географической» [Dorson 2005], «генеалогической и тематической» [Kibédi-Varga 1989], «национально-типической» [Pop 2005]. Особый подход эксплицирован в морфологическом взгляде В.Я. Проппа и его последователей, предложивших собственную научную концепцию, основанную на логике, философии, семиотике в рамках филологической парадигмы, известную и активно развиваемую в отечественном языкознании. Однако в западной филологической и литературоведческой традиции превалируют иные идеи, демонстрирующие определённую «предвзятость» анализа. Так, например, M.R. Dorson проводит анализ различных теорий, основываясь на компаративистских, национальных, антропологических, психоаналитических и структурных факторах их образующих. A. Kibédi-Varga и M. Pop, скорее, склонны к описанию поэтики сказки

основываясь на общей теории литературы и фольклористики. D. Ben-Amos рассматривает в качестве приоритетных вышеназванные тематический, структурный, архетипический и функциональный подходы, составляя на их базе таксономию популярных жанров сказки.

Критический охват каждой из упомянутых теорий достаточно чётко дифференцируется. Поп не затрагивает подходы, к которым обращается Dorson, Ben-Amos особенно эффективен в демонстрации постулатов как теоретических, так и идеологических, в своих поисках общей прагматики сказки. Kibédi-Varga критикует интерпретационные, психоаналитические и антропологические методы и предполагает, что анализ нарратива сказки должен ограничиться коммуникативными презумпциями, охватывающими передатчика и приемника, следовательно, анализом ситуации повествования. Акцентуация последней возникает и у Ben-Amos, что делает его теорию одной из составляющих таксономии популярных жанров. Данный подход активно развивает Cl. Chabrol [Chabrol 2012], продвигая гипотезу анализа на основе нарративной и текстовой грамматики: учёный настаивает на необходимом вкладе в прагматику описания ситуации повествования и производства / восприятия смысла сказки как части универсальной семантической нарративной грамматики. Данная научная позиция вполне вписывается в активно разрабатываемую общую теорию прагматики, рассматриваемую в качестве наиболее продуктивной основы для формирования теории сказки. Её основным преимуществом признаётся фактор отстранённости от структурной антропологии, морфологии или диахронической фольклористики и этнологии. Спорность некоторых постулатов, как нам представляется, обусловлена имплицитным присутствием семиотических, психоаналитических и структурно-семантических компонентов, регулирующих направления анализа, но не признающихся в своих доменных парадигмах при анализе сказочного дискурса.

Сказанное выше приводит к выводу о значимости акцентуации теоретических позиций интегративного типа, сочетающих различные научные взгляды и концептуальные воззрения на столь сложный феномен. Так, значимым нам видится параметр учёта практики повествования сказочного дискурса как части устной народной традиции, так и литературной традиции. Литературная сказка соотносится и с коллективной памятью, и с талантом рассказчика, по-своему адаптирующего сюжет, не изменяя содержания, но в зависимости от собственного ритма, который он задает повествованию. В авторской сказке очевидна корреляция нарратива с архетипической структурой о вымышленных событиях, свойственная устной лингвокультурной норме, с литературным эстетизмом рассказчика, предполагающая «фиктивный договор» между автором и аудиторией, соглашающейся «поверить» в рассказанные события. Кроме того интересным нам видится перспектива

научного развития анализа аудиторного целеполагания, поскольку литературная сказка в основном характеризуется развлекательными и вымышленными аспектами, направленными на восприятие детьми или взрослыми, и её неоднозначность будет зависеть от того, кто и как их интерпретирует.

Используя популярный анонимный материал, авторы, как правило, не ограничиваются точным пересказом первоначальной формы устной сказки, хотя и сохраняют некоторые следы устной речи, свидетельствующие об их народных источниках. Переделывая традиционный материал и воспроизводя его в письменном формате, тексты сказок социально перерабатываются и адаптируются в рамках конкретной лингвокультуры. Доминанты авторских предложений формируют чётко идентифицированный литературный эстетизм, отличный от простого копирования народного языка, наивность которого не всегда способствует укреплению социальной сплоченности аудитории. Литературная сказка символизирует ценности светских людей и предлагает реалистичный взгляд на общество, в котором представлены персонажи разных социальных категорий. Главные герои, описываемые авторами, являются выходцами из разных слоев общества, разного возраста (ребенок, молодая женщина, замужняя женщина или мать) и социального статуса (крестьяне / дворяне / высшее сословие). Авторы знакомят своих читателей с различными аспектами их волшебных качеств и характеристик, аллегорично подчеркивая последние как значительные преимущества для достижения социального успеха. Таким образом, социолингвистический контекст литературной сказки, как нам представляется, значительно расширяет горизонт развития теоретических воззрений на столь сложный феномен.

С этой точки зрения очевиден вопрос о культурном структурировании социально-исторических опосредований в идиолекте автора, ответ на который позволяет вскрыть диалектику архетипов конкретного этноса и личностную сингулярность, формирующую смысл. Передача авторского замысла через традицию (объективные формы культуры, нравы, привычки и т. д.) осуществляется с помощью языкового инструментария, объективирующего его «физическую» обработку, и индивидуальных аксиологических констант, формирующих феномен уникальности авторской литературной сказки. Именно в данном аспекте, вероятно, уместно говорить об особой «идеологии» коммуникации писателя и общества посредством сказочного дискурса, что является частью прагматической теоретизации языка. Не подвергая сомнению аналитические постулаты прагматической теории, выскажем осторожное предположение о возможном рассмотрении взаимовлияния субъективного значения и интересубъективных коммуникативных технологий в рамках мифологических структур сказки.

Очевидно, что логика коммуникации в рамках сказочного дискурса ограничивается требованиями к пониманию коммуникативных процессов, прежде всего, нормативного характера в обществе. Социальное значение литературной сказки как культурного явления трудно переоценить. Она привлекает внимание к рассмотрению проблем, возникающих в развитии конкретного этноса, объективируя в особой форме результат культурной и индивидуальной рефлексии на двух уровнях: на уровне языковой системы, манифестируя её корреляцию с дискурсом сказки, и семиотическое взаимодействие на уровне смысла, между универсальностью и сингулярностью. Подчеркнём, что на уровне языка универсальность индивидуальных модальностей задаёт интересные теоретические ориентиры, способные видоизменять культурные архетипы посредством образов с определенной социальной коннотацией, что особенно наглядно репрезентируется в современных фэнтези. Кроме того подчеркнём, что формализация языковой системы и идиолекта автора сказочного повествования осуществляется на жанровом уровне как месте проявления семиотических форм выражения, объективированных в языке в ходе социально-культурной эволюции, и манеры речи писателя при реализации значения. Культурно-семиотическое измерение придаёт данной формализации характерную для феномена коммуникации последовательность. В рамках нормативности коммуникативных общественных процессов допускается возможность взаимодействия идеологии общественного развития и имманентного движения знаковых форм индивидуального порядка, не нарушающих общего исторического развития форм конкретного лингвокультурного сообщества. Вместе с тем символическое посредничество литературных персонажей подчиняется общей логике движения социума и эксплицируется посредством общения без ограничений. В данном аспекте литературная сказка выступает в качестве, с одной стороны, посредника отношения общества к своей истории, с другой стороны, как модальность, на основе которой общество осознаёт собственное общее историческое развитие. «При этом осуществляется идентифицирующая референция индивидом самого себя <...>, а также формируется аттитудно-релевантная информация об ингерентных коннотациях в спектре полиморфности общения» [Зубкова 2014: 32]. Иными словами формируется динамический элемент значения литературного сказочного образа как феномена отражения развития общества с учётом культурных идиологем, системных характеристик конкретного языка и целеориентированности автора.

Интенции создателя конкретной сказки являются объектом активного научного осмысления в фольклористике и психоанализе. Утверждая, что все сказки организованы вокруг одной и той же повествовательной структуры, фольклористы идентифицируют тексты разных эпох с позиции этнической, географической и субъективной, что

подтверждает выводы структурного анализа В.Я. Проппа о морфологии сказки и интерференции её структуры на область нарратологии. Психоаналитики, с другой стороны, видят в сказках организованное выражение коллективных мифологем, которые помогают воспитать личность в социуме. Данные теоретические допущения позволяют нам предположить наличие особой значимости у структурного компонента любой авторской литературной сказки.

Согласно нашим наблюдениям, исходя из чередующейся последовательности между начальной ситуацией и развитием основного сюжета, повествовательная «игра» осуществляется на трех уровнях: участники повествования и их роли, коммуникативные константы и элементарные актантные единицы, объективирующиеся в речи. Создание культурной совместимости / несовместимости в рамках фольклорных повествований осуществляется с помощью дискурса сказки, репрезентирующего коммуникативные и аксиологические максимы при описании героев, объектов, характеристике персонажей и мест в цепочке конкретных событий. Как нам представляется, аргументативная последовательность в подобного рода текстах будет формироваться, подчиняясь особым правилам с учётом предикативной актуальности смысловой информации, «влияющей на формирование и применение субъектных позиций» [Зубкова 2013: 30].

В этой связи сделаем общее теоретическое допущение о последовательной семиотической артикуляции формальных способов воспроизводства конкретного лингвокультурного сообщества, включающее, на знаковой основе, признание социально-исторических форм типов символического посредничества, связанных с примитивными, традиционными и современными мифологемами и эксплицирующиеся в нарративе сказки. Языковой континуум упорядочивает диалектическое соотношение аксиологических паттернов посредством языковых единиц с высоким индексом образности и, по существу, структурирует символические формы, сформированные в обществе. Коммуникативное пространство литературной сказки институционализирует конкретный момент воспроизведения современного лингвокультурного сообщества, формируя особый тип символического посредничества между индивидом и социумом. Кроме того, как нам представляется, участники повествования авторской литературной сказки и их ролевая дифференциация реализуют опосредованную структуру символической знаковой рефлексивности, от которой зависит преэминентность культурной традиции в целом и данной формы дискурсивного выражения, в частности.

Резюмируя вышесказанное, подчеркнём, что в настоящее время теоретические становление непротиворечивой концепции изучения авторской литературной сказки далеко от завершения. Феноменологическое измерение исследуемого феномена возможно с

учётом понимания значимости коммуникативно-прагматических процессов и субъективно-авторских компонентов, объективирующих в языковом поле обновлённое знание общества о культурном самовыражении.

Библиографический список

Зубкова О.С. Специфика объективации означивающих практик в рамках интегрированного лингвосомиотического пространства // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2013. 1 (13). С. 23–30. [Электронный ресурс] URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/013-005.pdf> (дата обращения: 01.03.2022).

Зубкова О.С. Неоднородность каламбура как лингвосомиотического феномена и проблема понятийной редукции // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2014. №1 (15). С. 32–37. [Электронный ресурс]. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/015-006.pdf> (дата обращения: 07.03.2022).

Пронн В.Я. Поэтика фольклора. М.: Изд-во «Лабиринт», 1998. 352 с.

Barbier F. Histoire du livre. Paris, Armand Colin, coll. U. 2009. 232 p.

Ben-Amos D. Catégories analytiques et genres populaires // Poétique. 1974. № 19. Pp. 265–293.

Bettelheim B. Psychanalyse des contes de fées. Paris: Laffont. 2 ed., 2000. 406 p.

Bremond C. Les bons récompensés et les méchants punis/morphologie du conte merveilleux français. Paris: Larousse. 2006. 96 p.

Chabrol Cl. De quelques problèmes de grammaire narrative et textuelle. Paris: Larousse. 2 ed. 2012. 25 p.

Dorson M.R. Les contes de fées. Paris: Laffont, 2005. 97 p.

Greimas A.J. La quête de la peur / réflexions sur un groupe de contes populaires, Du Sens // Essais sémiotiques. Paris: Seuil, 1970. Pp. 231–247.

Kibédi-Varga A. Discours, Recit, Image. P. Mardaga, Liege, 1989. 147 p.

Lévi-Strauss C. L'analyse morphologique des contes russes // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1960. № 3. Pp. 122–149.

Pop M. La poétique du conte populaire: L'analyse sémiotique. Paris: Larousse, 2005. 115 p.

Simonsen M. Le Conte populaire français. P.U.F., coll. Que sais-je. 1981. 128 p.

Todorov Tzv. Introduction à la littérature fantastique. Paris: Le Seuil, 1976. 188 p.

Todorov Tzv. À la recherche du sens. Paris: Le Seuil, 1996. 101 p.